

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-29-36
УДК 321.01(045)

Протестное движение «разинцев» как проявление идейно-политического противоборства «западников» и «самобытников»

Н.В. Асонов

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-1542-942X>

АННОТАЦИЯ

В статье автор, используя в качестве методологической основы утверждение В.О. Ключевского о том, что деление русского общества на «западников» и «славянофилов» (самобытников) сложилось в XVII в., делает ряд обоснованных заключений. Первое. Главной причиной массовых протестных настроений, начавшихся в 1648 г. и вылившихся в движение «разинцев», стала возросшая ориентация высшей светской и духовной власти на Европу и ее приемы социально-экономической политики. Второе. Именно эта ориентация на рыночные отношения, идущие с Запада, привела к ухудшению жизни рядовых людей. Третье. Ориентация на Европу ослабила позиции русского православия в пользу новых греческих канонов, доверия к которым после Флорентийского собора и гибели Византии было у нас минимальным. Это объяснялось тем, что на греков в России смотрели как на проводников западного влияния, направленного на разрушение России как последнего оплота истинной веры. Следствием означенных взглядов стал небывалый размах движения «разинцев», которое в эпоху правления «самобытника» Ивана Грозного просто не могло возникнуть, наоборот, в то время легко подавлялись протестные настроения «протозападников», что было понятно гражданам и с их стороны имело поддержку.

Ключевые слова: Россия; Степан Разин; «разинцы»; «западники»; «самобытники»; православие

Для цитирования: Асонов Н.В. Протестное движение «разинцев» как проявление идейно-политического противоборства «западников» и «самобытников». *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(1):29-36. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-29-36

ORIGINAL PAPER

The Protest Movement of the “Razintes” as a Manifestation of the Ideological and Political Confrontation between the “Westernizers” and the “Samobytniki”

N.V. Asonov

Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-1542-942X>

ABSTRACT

In this article, the author applies the methodology of V. Klyuchevsky that states, that the division of Russian society into “Westerners” and “Slavophiles” (“Samobytniki”) was formed in the early 17th century. He made several reasonable conclusions while proving this particular point. Firstly, the main reason for the mass protest mood in the society that began in 1648 and poured out into the movement of the “Razinites” rebellion was the result of the emergence of the orientation of the highest secular and spiritual authorities to Europe and its methods of socio-economic policy. Second. It is precisely this orientation towards strict market relations coming from the West, with poor care for ordinary people’s lives. Thirdly, the orientation towards Europe weakened the position of Russian Orthodoxy favouring the new Greek form of Christian canons, where people had minimal trust in the Florentine Council and resulted in Byzantium’s death. It was also because the Greeks in Russia were viewed as conductors of Western influence to destroy Russia as the last bastion of true faith. The next of the views, as mentioned earlier, was the unprecedented scope of the movement of the “Razinites”. It simply could not arise during the reign of such “original” (“samobytnik”) as Ivan IV the Terrible. On the contrary, at that time, the proto-Western sentiments were easily suppressed, which was, of course, clear to the people and, the policy itself had their support.

Keywords: Russia; Stepan Razin; “Razintes”; “Westerners”; “Samobytniki”; orthodoxy

For citation: Asonov N.V. The protest movement of the “Razintes” as a manifestation of the ideological and political confrontation between the “Westernizers” and the “Samobytniki”. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(1):29-36. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-29-36

В 2021 г. исполняется 350 лет со дня разгрома движения «разинцев» и казни Степана Тимофеевича Разина. Действия этого человека, как и начатого им движения, в научной и учебной литературе до сих пор трактуются в первую очередь как протест против усиления крепостного права, вызванного решениями Соборного уложения 1649 г. Однако разрыв между этими датами определяется возрастом почти целого поколения и требует поиска более убедительной причины, заставившей население взяться за оружие. Интересно, что В. О. Ключевский предпочел оставить историю этого движения за скобками своего лекционного курса и не стал вслед за С. М. Соловьёвым и Н. И. Костомаровым судить о С. Т. Разине как о «разбойничьем атамане» или «выродке», видимо, понимая, что тема «разинщины» гораздо сложнее ее официальной подачи.

Попробуем понять эту сложность через выявление главных идейно-политических антагонистов того времени. Согласно В. О. Ключевскому, этими антагонистами были «западники» и «славянофилы», именовавшие себя «самобытниками». Их воззрения, считает Василий Осипович, «родились в головах людей XVII в., и именно людей, переживших Смуту... Зарождение этих направлений подметил дьяк Иван Тимофеев: «Мы друг друзе любовным союзом растояхомся, к себе кождо нас хребты обращахомся — овии к востоку зрят, овии же к западу» [1, с. 246–247]. Действительно. Хотя новая династия Романовых стремилась к тому, чтобы все было как при прежних государях, последствия смуты имели для социально-политической истории России необратимый характер.

Во-первых, экономический упадок толкал власть на расширение деловых контактов с Западом [2]. Во-вторых, вместе со специалистами в Россию стали проникать идеи, нацеленные на разрушение православной государственности. Причем «западное влияние постепенно проникало во все сферы жизни, изменяя понятия и отношения, напирая одинаково сильно на государственный порядок, на общественный и будничный быт, внося новые политические идеи, ...передельвая ...русского человека» [1, с. 244]. В-третьих, события смуты «поколебали прежнюю уверенность в том, что Москва есть... “новый Израиль”, открыв дорогу сторонним влияниям на русские умы» [3, с. 63]. При царе даже возник кружок из высокопоставленных людей, тяготевших к новациям, но не отличавшихся благочестием. В него вошли бояре Никита Романов

и Борис Морозов, глава посольского приказа Афанасий Ордин-Нащокин и ряд других представителей политической элиты.

Надо сказать, что откровенное «западничество» тогда еще не имело влияния в общественных кругах, зато его скрытая форма, постепенно вписывающаяся в православный ценностно-целевой стандарт, набирала авторитет именно во властных структурах. Суть этой скрытой формы выражалась в симпатиях к обновленному православию. Его смысл в 1650 г. раскрыл старец Арсений Суханов. Полемизируя с греками, он указывал им, что под пятой иноверцев православие не может сохранить свою «чистоту». Ради утверждения своего господства победители будут менять веру побежденных в свою пользу. Поэтому у вас «не сыщешь ни одного человека, крещенного правым крещением, и вы мало не соединились с римлянами... Ибо школ еллинского учения не имеете, и книги вам печатают в Венеции, и учиться ходите в Рим... У нас же государь царь православный один сияет благочестием... и Христову Церковь от всяких ересей защищает» [4, с. 358].

К этому аргументу следует присовокупить убежденность «самобытников» той поры в подлинности летописных известий о свободном от греческого влияния религиозно-государственном строительстве на Руси. Так, в главе, повествующей о прародине славян, указывается на ее тождественность римской провинции Илирик, где проповедовал апостол Павел. Таким образом, не греки, а ученик Христа стал первым славянским вероучителем («тем же и словенску языку учитель Павел, от него же языка, и мы есмо Русь, тем же и нам Руси учитель Павел...»). Этот же апостол явился основателем и первой славянской церковной организации, возникшей задолго до образования самой Византии, поскольку «поставил есть епископа и наместника по себе Андроника словенскому языку»¹. Такой мифологический факт, дополняющий легенду об Андрее Первозванном, сводил к нулю значимость Византии в организации русской православной государственности.

Недоверие к грекам укреплялось печальными известиями, приходящими в Россию из Турции о стремлении Запада провести на пост Вселенского патриарха своего человека, способного повернуть симпатии православных подданных султана лицом к Европе. Неудобные лица свергались и назначались новые, готовые угождать султану и подавлять

¹ Лаврентьевская летопись. Полное собрание русских летописей. Т. I. М.: Языки русской культуры; 1997. Стб. 27–28.

русофильские настроения своей паствы. Например «патриарх Кирилл Лукарис, семь раз свергнутый и шесть раз возвращавшийся на престол, в конце жизни склонился к соглашению с протестантами». Его место занял Кирилл Контарис, «который в 1638 г. тайно принял католичество» [5, с. 153].

Рост грекофильских настроений как составной части прозападной политики Кремля народ стал связывать с новыми реформами, направленными на развитие товарно-рыночных отношений, ведущих не к улучшению, а к подрыву благосостояния простых людей. Растущий протест вылился в Московское восстание, вспыхнувшее 2 июня 1648 г. Вскоре восстание распространилось на другие города России. «Говорено было притом», «что немцы, друзья изменника боярина Морозова, побывали в Москве как согладатаи и были отпущены им с казной в свою землю». А «государь де молодой глуп, глядит де все изо рта бояр... они де всем владеют, и сам де он государь то все ведает и знает да молчит»². В челобитной, направленной «против высших правителей», подчеркивалось, что государь «от Бога и всего народа был поставлен»³. Поэтому ему следует взять под защиту простой народ. Через неделю в новой челобитной указывалось, что раз «на Москве продают власть», царю надо «призвать к себе ...всяких людей» и узнать от чего они «стонут и плачут»⁴. Собравшиеся решили требовать созыва Земского собора. Через месяц было объявлено о его созыве и выработке «Соборного Уложения».

Новый свод законов показал, что народное восстание и вызванная им смена правительственного кабинета несколько ослабили ориентацию светской власти на Запад. Византийское право, Судебник 1550 г. и постановления Стоглавого собора стали основой нового законодательного сборника. Вместе с тем в качестве источника права сюда вошел «Литовский Статут», разработанный для православных жителей Речи Посполитой в 1588 г. В то же время Уложение начало наступление светской власти на права церкви, идя вразрез с нормами русской юридической традиции. С оглядкой на Запад Глава XIII вводила особый Монастырский приказ. Отныне «священство» и зависимые от цер-

кви люди судились по основной массе дел в государственном, а не церковном суде. Кроме этих ограничений светская власть в Главах XVII и XIX «позаботилась» об ущемлении земельных прав церкви и способствовала потере ее привилегий на посадe⁵. Неслучайно Никон, став патриархом, назвал Соборное Уложение «проклятой книгой» [6, с. 319], в чем получил поддержку общества и охлаждение к нему царя.

Не будем забывать еще одно обстоятельство. В это время царь лелеял план освобождения православных народов из-под власти иноверных властей. А такой план не мог строиться на базе имеющихся религиозно-политических разногласий. В России восточные христиане должны видеть не только свой новый политический, но и духовный центр. Для этого предстояло провести большую работу по унификации всех расхождений в угоду требованиям греческих лидеров восточных церквей. Тем самым царь намеревался получить от будущих подданных необходимую легитимность своей власти. Актуальность данной задачи резко возросла в 1648 г., когда в Запорожье Богдан Хмельницкий поднял восстание против польского гнета и обратился к царю за поддержкой.

При царском дворе Киевский университет считали связующим звеном с «передовыми» идеями Европы и греко-византийским православием. Эта установка открыла путь в Россию украинским «просветителям», переводившим на русский язык сочинения западных мыслителей, отражавшие противные православной государственности воззрения. Украинцам активно помогали числившиеся при Посольском приказе немцы. Выпускаемая ими литература, не встречая противодействия власти, стала пользоваться спросом на книжных рынках, еще больше усиливая раскол русского общества на «западников» и «самобытников». Примером не критичного отношения к западной литературе стали сочинения Милетия Смотрицкого, составившего «Славянскую грамматику». Порвав с православием, он писал «горячие полемические брошюры в защиту латино-униатов» [7, с. 554] и везде старался проводить выгодную римской курии идеологию.

Узнав о намерении царя расширить денежную помощь братьям по вере, в Россию хлынули искатели легкой наживы со всего восточнохристианского мира. Не проходило «ни одного года, когда бы не являлось к нам за нею ...множество пришельцев... из

² Сыскное дело Савинки Корепина. Городские восстания в Московском государстве в XVII в. М., Л.: СОЦЭКГИЗ; 1936. С. 86–87.

³ Челобитная, поданная царю 2 июня 1648 года. Материалы по истории СССР. Вып 3. М.: Высшая школа; 1989. С. 142.

⁴ Челобитная «мира» московского царю 10 июня 1648 года. Материалы по истории СССР. Вып 3. М.: Высшая школа; 1989. С. 146, 149–150.

⁵ Соборное Уложение 1649 г. Российское законодательство X–XX веков. Т. 3. М.: Юридическая литература; 1985.

всех Восточных патриархатов, с Афона, из Сербии, Болгарии и Молдавии. ...Чаще всех присылали ... ходатайства к нашему царю и патриарху Иерусалимские патриархи» [4, с. 396]. А это были представители основанного ими троеперстного устава крещения. Насаждая его в России, они утверждали свое право влиять на русскую государственность и кормиться от ее стола. В этом Иерусалим поддерживали все сторонники троеперстия. Взамен они обещали поддержку царю в его внешнеполитических планах. Причем эта поддержка строилась за счет сохранения и укрепления их идеологического господства в России.

От них «нельзя было ожидать бережного отношения к старине». Они «добивались одного — устроить все так, как у них, и доказать, что Москва — вовсе не третий Рим, что Москва слишком зазналась, что благочестие в ней вовсе не стоит на такой высоте, как думали русские» [8, с. 41]. Поэтому русским следует их слушаться и повиноваться в исправлении книжном и науке духовной. Правительство царя Алексея данную установку не стало оспаривать. С высокой долей вероятности можно утверждать, что после смерти патриарха Иосифа в 1652 г. находящиеся при дворе Алексея представители восточных церквей оказали давление на царя. Благодаря чему на пост патриарха всея Руси попал митрополит Никон как человек, способный уйти от «самобытничества». Это он доказал своей речью при вступлении в должность: хотя «я русский и сын русского, но мои убеждения и моя вера — греческая» [8, с. 45].

Решив ориентироваться на греков, Никон понимал, что его противниками станут широкие слои русского общества, не желающие смотреть на свою страну как на периферию православной цивилизации. Для борьбы с ними Никону и царю нужна была диктатура, концентрирующая широкие властные полномочия в руках одного лица. Ради успешного проведения политической модернизации царь без созыва Земского собора согласился передать решающие властные полномочия патриарху, видимо, полагая, что усиление позиций «священства» минимизирует сопротивление реформе со стороны общества.

Принимая позицию Никона, светская и духовная элита официально отреклась от национальной политической доктрины в том виде, в каком она была сформулирована еще в «Повести временных лет». Ее смысл заключался в обосновании высокого духовного пути Руси и формулировал недоверчивое отношение к грекам: «суть бо греци льсти-

вы и до сего дни»⁶. Это указывало на отсутствие в них врожденной (как у русских) христианской добродетели, что привело Византию к сближению с «духовно оскудевшим» Западом и закончилась ее гибелью. Передавая им право решать формально-сти, «связанные с ритуалом», Никон, по мнению «самобытников», заложил основы гибели самой России как православной державы. Желание «растоптать “старый обряд” было тем более необходимо, что ...Сохранение “старых”, более древних, чем у современных греков на православном Востоке, церковных обрядов, имело глубокий смысл, так как доказывало, что гарантом истинного благочестия является православный самодержец, что истинно благочестивая церковь может существовать лишь под крылом единой монархии» [9, с. 13].

Поэтому, начав борьбу против базовых идеологических положений российской государственности, Никон создал широкое поле для недовольства среди самых разных сословий. Столкнувшись с широким протестным движением, царь легко пожертвовал патриархом ради достижения социального мира. В 1658 г. царь вовсе лишил Никона титула «великого государя» и отгеснил его от государственных дел. Но протестное движение продолжало расти. Теперь в него вошли сторонники Никона, ставшего позиционировать себя в роли «самобытника», пострадавшего от «западников», засевших в Кремле и ради прибыли вредящих России. «Медный бунт» 1662 г. стал тому ярким подтверждением. «Воровской лист» повстанцев обличал изменников бояр «и иныя гости», будто они отпускают «государеву казну королю полскому... и Московскому государству разорение делают большое» [10, с. 213].

Для борьбы с оппозиционерами государь в 1666 г. собрал Большой Собор с участием представителей ряда православных церквей. Причем численный состав высших иерархов был в их пользу. Если Россию представлял один патриарх и пять митрополитов, то приглашенная сторона состояла из двух патриархов и семи митрополитов. Князья восточных церквей, ущемленные позицией московского патриарха, отводившей им второстепенную роль, встали на сторону Алексея Михайловича. Этим они надеялись вернуть себе утраченное при Никоне лидерство в духовной сфере и выступили с обличением Никона как еретика. В ответном слове Никон заявил, что «греческие правила не прямые, те правила патриархи от себя учинили,

⁶ Лаврентьевская летопись. Полное собрание русских летописей. Т. I. М.: Языки русской культуры; 1997. Стб. 70.

а не из правил. После Вселенских Соборов — все враки, а печатали те правила еретики!» [9, с. 11].

Осудив Никона, Большой Собор еще больше укрепил влияние греков на политическую систему России. Постановлениями Собора были запрещены многие важные документы, содержащие в себе идеологическое обоснование самобытного пути развития России и потому прямо связанные с концепцией «Москва — третий Рим». Сюда были отнесена «Повесть о белом клобуке» и все положения Стоглавого собора. Заодно осуждению подверглись составители «Стоглава» во главе с митрополитом Макарием. Отныне Россия исчезала как духовный центр христианства. Ей отказывалось и в особом освященном Богом собственном историческом пути. Это право греки вернули Византии.

Резолюции Собора 1666–1667 гг. стали политическим реваншем греческого духовенства за то, что Россия вышла из-под власти Вселенского патриархата, осудив его и императора Византии за Флорентийскую унию, признавшую духовно-политическое лидерство за папой римским. Поскольку за такую измену делу православия Запад «вся греки... многими дары почтита и злато и серебро»⁷, Россия предпочла обособиться от Второго Рима и встать над ним. С 1440 г. «высшая сакральная сила передается Руси». «Константинополь перестает быть Царьградом, и городом царя оказывается Москва» [11, с. 18] и сохраняет этот статус 1667 г. Вот почему Большой Собор по своим последствиям для России превосходит Земский собор 1648–1649 гг.

На Соборе 1666–1667 гг. подверглись суровому церковному суду идейные противники Никона — «старообрядцы», которых иногда неправильно именуют «раскольниками». Дело в том, что «старообрядцы» как общественное движение не могли возникнуть в результате реформ Никона. Они являлись представителями традиционного со времен крещения Руси православного обряда. Его истинность подтвердил Стоглавый собор, приступив к исправлению нарушений обряда в духе раннехристианских, а не новогреческих правил. По мнению Н. Ф. Каптерёва, именно «старообрядцы» считали себя «борцами за так называемую теперь русскую самобытность, которой угрожало гибелью вторжение иностранных новшеств» [12, с. 533].

Из-за этого защита «старой веры» становилась логическим продолжением и развитием теории

«Москва — третий Рим», в которой преемственность «Византия-Москва» не сводилась исключительно к наследию ритуальной атрибутики. Это было восприятие лучших духовных начал христианства. Поэтому социально-политическая установка основной массы «старообрядцев» была призвана защитить не только православную «симфонию священства и царства», но и православную соборность, связанную с русской общинностью, дав начало движению «поповства» во главе с Аввакумом.

Когда Большой Собор в 1667 г. утвердил «безропотного» патриарха Иоасафа II, начались небывалые до того преследования сторонников Аввакума. Ведь по «Уложению» 1649 г., «за преступления против веры и церкви полагалась смертная казнь. Эта статья была распространена и на старообрядцев» [13, с. 2]. Затем открылись гонения против «никониан». В сложившихся условиях царь, не встав на защиту истинной веры, терял в глазах «самобытников» ореол социально-политического величия и превращался в пособника злых сил, связанных с происками грядущего в мир Антихриста. Представители данного движения считали, что Большой Собор окончательно осквернил благочестие «премудрой двоицы». Стала крепнуть мысль о том, что в мире больше нет «ни царя, ни князя, ни святителя православного». Как писал в 1669 г. сподвижник Аввакума дьякон Федор, «во время сие несть царя, един бысть православный царь на земле остался, да и того, не внимающего себе, западные еретицы, яко облацы темни угасиша христианское солнце» [9, с. 19]. Так зародилось демократическое в своей основе движение «беспоповцев». Оно не признало систему церковной иерархии и встало на позиции прямой демократии в виде общинного самоуправления без «священства».

Это сближало взгляды некоторых «старообрядцев» центральной и северной России с той частью казачества, которая была готова встать на защиту веры против «латинства». Неприязнь к нему со второй половины 60-х гг. сделала Дон одним из центров «старообрядчества». Желание отстоять устои православной государственности вело на первых порах представителей выше означенных идейных течений к объединению в единый социальный фронт «самобытников». Возможно, стремление создать такой фронт заставило Степана Разина посетить в конце 1661 г. Соловецкий монастырь, братия которого в 1658 г. «положи соборне да не примутъ кнѣзь техъ, иже есть писание слугъ антихри-

⁷ Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. Полное собрание русских летописей. Т. XII. М.: Языки русской культуры; 2000. С. 35.

стовыхъ ересь латинская»⁸. Из «Роспросных речей» старца Пахомия, датированных 1674 г., следует, что связь донских повстанцев с этой обителью сохранялась вплоть до ее падения. Причем эти «капитоны чернецы и бельцы из понизовых городов» сыграли главную роль в ее защите, введя, надо полагать, близкую «беспоповцам» практику «немоления» за царя и патриарха.

Если в этом ключе анализировать начальный период восстания, выпавший на 1667–1669 гг., тогда действия Степана Разина следует рассматривать вне контекста походов «за зипунами», традиционно идущих в сторону Черного моря как более удобного и знакомого всей «понизовой вольнице». Не будем забывать, что идея «казацкого воровства» была рождена в правительственных кругах, имевших прямую заинтересованность в создании негативного образа своего противника. Между тем, нейтральные источники рисуют другую картину. Согласно запискам Л. Фабрициуса, «проклятия, грубые ругательства, ... а также блуд и кражи Стенька старался полностью искоренить». Если кто-то нарушал нравственные нормы, то «бросали его в воду»⁹.

Теперь перейдем к географии его походов. Мы почему-то забываем, что восточные патриархи и митрополиты прибыли судить русское православие со стороны Персии. От Шемахи их путь лежал вниз по Куре в Каспийское море, и далее от берегов Гиляна они на русских судах плыли до Астрахани и вверх по Волге до Симбирска. От этого города до Москвы добирались уже столбовой дорогой. Причем, двигаясь по реке, они самовольно чинили суд и вели розыск относительно всех противников новых церковных правил. Последний раз они свою волю показали в Симбирске. Здесь патриархи остригли и велели посадить в тюрьму протопопа Никифора за его нежелание служить по новым книгам и троеперстно креститься. При этом в обозе из Астрахани с ними ехал наборщик, решивший завести «латинское воровское согласие и многие римские соблазны» [14, с. 246]. После завершения работы Большого Собора в 1667 г. патриархи отправились той же дорогой, везя с собой богатые дары от царя. Это позволяет предположить, что движение «разинцев» на Волгу и Каспий могло быть вызвано

желанием вернуть увезенное золото и серебро. Возможно, они намеревались выследить этих иереев, прервав их связь с Москвой, идущую через Персию, и не дать им утвердить свою власть и своих людей в низовьях Волги, Яика и Терека.

Другая группа документов, относящихся ко второму этапу движения «разинцев» (1670–1672 гг.), говорит об активном сближении опального патриарха Никона с восставшими. Известно, что клич «Латиняне, латиняне!» Никон наряду с Аввакумом воспринимал как призыв к борьбе с врагами православной Руси. Из «роспросных речей» 1670 г. мы узнаем, что стрельцы слышали от казаков, как те «похваляют бывшего Никона патриарха, что де он, Никон, будет на Москве патриархом по-прежнему». А когда придет в Москву Степан Разин, то он «бояр и всяких начальных людей побьет, и ево де, Никона, возьмут и посадят на Москве на патриаршестве по-прежнему»¹⁰. О том же свидетельствует «Наказная память» архимандриту Чудова монастыря 1676 г. В ней говорится о связи Никона с людьми С. Т. Разина как со своими идейными союзниками. «Приезжал к Симбирску старец от него, Никона, и говорил ему (С. Разину — А.Н.), чтоб ему идти вверх Волгою... А сказывал де ему тот старец, что у Никона есть готовых людей с 5000 человек, а те де люди у него готовы на Белеозере». И тот Никон «совет имел с ворами и с изменниками Московского государства с единомысленниками Стеньки Разина»¹¹.

Но если в этих документах просматривается желание некоторых групп «разинцев» вернуть власть Никону и тем добиться подчинения ему «царства», как это было до Большого Собора, то в других источниках мы встречаемся с явно противоположной политической установкой. Соглашаясь с тем, что надо побить «изменников бояр», чтобы «вконец не погибнуть», авторы «прелестных писем» говорили, что они «стали за дом пресвятыя богородицы и за ево, великого государя, и за всю чернь». Восставшие обещали не трогать тех, кто будет поддерживать «Царя Алексея Михайловича ... и веру православных христиан». Стоит обратить внимание, что подобные

⁸ Повесть о Соловецком восстании. Факсимилие рукописи XVIII в. «Описание лицевое осады и разорения монастыря Соловецкаго». М.: Книга; 1982. С. 4.

⁹ Из «Записок» Л. Фабрициуса. Записки иностранцев о восстании Степана Разина. Л.: Наука; 1968. С. 56.

¹⁰ 1670 г., августа 26. Из роспросных речей московских стрельцов Г. Свешникова с товарищами о походе С. Разина из Астрахани вверх по Волге. Крестьянская война под предводительством Степана Разина (далее Крестьянская война...). Сб. документов. М.; 1957. Т. II. Ч. 1. № 22. С. 30–31.

¹¹ 1676 г., мая 16. О сношениях бывшего патриарха Никона с восставшими (из Наказной памяти архимандриту Чудова монастыря Павлу). Дело о патриархе Никоне. СПб.; 1897. № 94. С. 345–347.

призывы шли от лица атаманов «Великого войска Данского и Еицкого и Запорожского»¹².

Вместе с тем приведенные нами цитаты вовсе не означают, что у Степана Разина отсутствовали собственные политические цели. В достижении их он мог использовать недовольство самых разных оппозиционных сил и придать им некоторое единство по ряду базовых социальных положений, так как религиозные и политические расхождения восставших такому единству не могли способствовать. Успех Лжедмитрия I еще был свеж в памяти казачества, принявшего деятельное участие в поддержке самозванцев. Недаром Разин держал в своем обозе «персидскую княжну» и «черкасского царевича», которого он выдавал за Алексея Алексеевича — старшего сына царя, якобы спасшегося от смерти в январе 1670 г. и бежавшего на Дон. Теперь Разин, уподобляясь Ивану Болотникову, «по велению государя идет предать смерти всех бояр, дворян, правителей и других высоких особ как изменников и врагов своей страны»¹³. Надо думать, что Степан Разин так и не смог найти общую идеологическую основу борьбы для «поповцев», «беспоповцев», «никониан» и примкнувших к «разинцам» мусульман и язычников Поволжья. Его авторитет упал. Став для всех чужим, он покинул восставших, навсегда выйдя из борьбы. На Дону он с октября по 14 апреля спокойно жил в Кагальницком городке, пока не был схвачен своим крестным отцом. В Москве его казнили 6 июня 1671 г. К началу 1672 г. пала Астрахань, которая, видимо, не приняла Разина, как не принял его Черкасск, закрыв перед ним ворота.

Суммируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, что главной причиной, толкнувшей народ к активной форме протестного движения, стало усиление во властных структурах страны проза-

падной ориентации, поддержанной грекофильской группировкой духовной власти. Таким образом, в сознании широких общественных масс рост крепостного гнета стал следствием усиления «западников», к которым были отнесены и греки. Возврат к «самобытным» корням русской православной государственности виделся «разинцам» единственным средством восстановления прав и свобод «простого всенародства» и возвращения России статуса последнего оплота «истинной веры». Эта принципиальная позиция делала старообрядцев главным оплотом «самобытничества», что, кстати сказать, сохранилось по сей день в их неприятии «западнизма» официальной церкви и всей социально-политической системы России.

В качестве одной из важнейших причин поражения «разинцев» следует считать отсутствие у них идеологического единства, что вело их к взаимным конфликтам и усиливало разобщение рядов. На этот аспект обращали внимание и европейцы, ставшие свидетелями данного народного недовольства: «Ежели бы силы мятежников, число которых умножилось до двухсот тысяч человек, соединились и действовали согласно, нелегко было бы ...одолеть их»¹⁴.

Однако надо отметить важную отличительную особенность всего движения «разинцев». Несмотря на идейную разобщенность повстанцев, их объединяло неприятие всего, что было связано с возрождением удельно-княжеской управленческой модели, которая предусматривала ослабление высшей светской и духовной власти в пользу наследственной аристократии. Таким образом, боярско-княжеское правление не рассматривалось в широких общественных кругах как политическая сила, угодная Богу и способная удовлетворить или защитить насущные интересы народа и веры. Но для победы этого оказалось слишком мало. Ведь аналогичной точки зрения придерживался и царь.

¹² «Прелестные грамоты» Степана Разина и других руководителей восстания. Крестьянская война... Т. II. Ч. 1. № 38, 53, 78, 207. С. 52, 65, 91, 252; Ч. 2. № 60. С. 74–75.

¹³ Сообщение касательно подробностей мятежа, недавно произведенного в Московии Стенькой Разиным. Материалы по истории СССР. Вып. 3. С. 315, 321–322, 333–336.

¹⁴ Сообщение касательно подробностей мятежа, недавно произведенного в Московии Стенькой Разиным. Материалы по истории СССР. Вып. 3. С. 316–317.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. 3. М.: Мысль; 1988.
2. Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб.: Издание А. С. Суворина; 1906.
3. Платонов С. Ф. Москва и Запад. Борис Годунов. М.: Богородицкий печатник; 1999.
4. Макарий (Булгаков) м-т. История Русской Церкви. Кн. VI. М.: Изд-е Спасо-Преображенского Валаамского м-ря; 1996.
5. Андреев И. Л. Алексей Михайлович. М.: Молодая гвардия; 2003.

6. Филиппов А.Н. Учебник истории русского права. Ч. 1. Юрьев; 1912.
7. Иловайский Д.И. Новая династия. М.: Издательство Астрель; Издательство АСТ; 2003.
8. Прозоров И.А. История старообрядчества. М.: Москва — Третий Рим; 2002.
9. Богданов А.П. Старообрядцы. *Старообрядчество: история, традиции, современность*. 1994;(1):3–20.
10. Г.Н. Собакин. Описание восстания 1662 г. Материалы по истории СССР. Вып 3. М.: Высшая школа; 1989.
11. Багдасарян В.Э. «Второй Рим против Третьего Рима»: исторический генезис конфликта Константинопольского Патриархата и Русской православной церкви. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки*. 2019;(3):17–31. DOI: 10.18384/2310-676X-2019-3-17-31
12. Каптерёв Н.Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. В 2 т. Сергиев-Посад; 1909–1912. Т. 2.
13. Юхименко Е.М. Правительственная политика «борьбы с расколом» и история старообрядческого движения XVII — начала XX вв. *Старообрядчество: история, культура, современность*. 2002;(9):2–5.
14. Соловьёв С.М. Сочинения. Кн. VI. М.: Мысль; 1991.

REFERENCES

1. Klyuchevsky V.O. Works. In 9 vols. Vol. 3. Moscow: Mysl; 1988. (In Russ.).
2. Olearius A. Description of the journey to Muscovy and through Muscovy to Persia and back. SPb.: Edition of A.S. Suvorin; 1906. (In Russ.).
3. Platonov S.F. Moscow and the West. Boris Godunov. Moscow: Bogoroditskiy printer; 1999. (In Russ.).
4. Macarius (Bulgakov) Metropolitan. History of the Russian Church. Book VI. Moscow: Publishing house of the Spasso-Preobrazhensky Valaam Monastery; 1996. (In Russ.).
5. Andreev I.L. Alexey Mikhailovich. Moscow: Molodaya gvardiya; 2003. (In Russ.).
6. Filippov A.N. Textbook of the history of Russian law. Part 1. Yuriev; 1912. (In Russ.).
7. Ilovaiskiy D.I. New dynasty. Moscow: Astrel Publishing House; AST Publishing House; 2003. (In Russ.).
8. Prozorov I.A. History of the Old Believers. Moscow: Moscow-the Third Rome; 2002. (In Russ.).
9. Bogdanov A.P. Old Believers. *Staroobryadchestvo: istoriya, traditsii, sovremennost'*. 1994;(1):3–20. (In Russ.).
10. Sobakin G.N. Description of the uprising in 1662. Materials on the history of the USSR. Issue 3. Moscow: Vysshaya shkola; 1989. (In Russ.).
11. Bagdasaryan V.E. “Second Rome against the Third Rome”: The historical genesis of the conflict between the Patriarchate of Constantinople and the Russian Orthodox Church. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskiye nauki*. 2019;(3):17–31. (In Russ.). DOI: 10.18384/2310-676X-2019-3-17-31
12. Kapterev N.F. Patriarch Nikon and Tsar Alexei Mikhailovich. In 2 vols. Vol. 2. Sergiev-Posad; 1909–1912. (In Russ.).
13. Yukhimenko E.M. Governmental policy of “struggle against schism” and the history of the Old Believers movement of the 17th — early 20th centuries. *Staroobryadchestvo: istoriya, traditsii, sovremennost'*. 2002;(9):2–5. (In Russ.).
14. Solovyov S.M. Works. Book VI. Moscow: Mysl; 1991. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Николай Васильевич Асонов — доктор политических наук, профессор кафедры политологии. Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия
nbassonov@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Nikolai V. Asonov — Dr. Sci. (Political Sciences), Professor, Department of Political Sciences, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia
nbassonov@yandex.ru

Статья поступила 21.10.2020; принята к публикации 20.11.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 21.10.2020; accepted for publication on 20.11.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.